

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2025-3-3-68-322-334

ПЕРВЫЙ ПОВОРОТ ИРАНА К АСЕАН В 1997–1999 ГГ.: КОНТЕКСТ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Даниал ХАТАИ ¹

¹ НИУ ВШЭ, Москва, Россия,

Khataei.academia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8366-2612>

Аннотация: Статья посвящена первому «повороту Ирана к АСЕАН» в 1997–1999 гг., когда Тегеран впервые предпринял попытку стратегического закрепления в Юго-Восточной Азии. Рассматриваются причины этого курса, связанные с кризисом отношений с Европой после «дела Миконоса», американскими санкциями и поиском новых направлений внешней политики. Показано, что поворот имел двухфазный характер: активация весной 1997 г. и масштабирование в начале президентства М. Хатами, когда Иран предложил совместные энергетические и логистические проекты и подал заявку на статус секторального диалогового партнёра АСЕАН. Особое внимание уделено реакции стран ЮВА, сочетавшей интерес к сотрудничеству с осторожностью, вызванной региональной нестабильностью и внешним давлением. Сделан вывод о том, что, несмотря на ограниченные результаты, именно этот период стал отправной точкой долгосрочного присутствия Ирана в регионе.

Ключевые слова: Иран, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, внешняя политика, санкции, энергетика, логистика

Для цитирования: Хатаи Д. Первый поворот Ирана к АСЕАН в 1997–1999 гг.: контекст и результаты // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 3, № 3 (68). С. 322–334. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-3-3-68-322-334

Original article. Historical science

Iran's First "Pivot to ASEAN" in 1997–1999: Contexts and Results

Danial KHATAEI ¹

¹ HSE University, Russia, Moscow,

Khataei.academia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8366-2612>

Abstract: The article examines Iran's first "pivot to ASEAN" in 1997–1999, when Tehran sought to establish a strategic presence in Southeast Asia.

It analyzes the reasons behind this course, including the breakdown of relations with Europe after the Mykonos trial, U.S. sanctions, and the search for new foreign policy directions. The pivot unfolded in two phases: activation in spring 1997 and expansion during the early presidency of Mohammad Khatami, marked by proposals for joint energy and logistics projects and Iran's application for ASEAN Sectoral Dialogue Partner status. Particular attention is paid to ASEAN's cautious response, balancing interest in cooperation with concerns over regional instability and external pressure. The study concludes that, despite limited outcomes, this period served as the starting point for Iran's long-term engagement with Southeast Asia.

Keywords: *Iran, ASEAN, Southeast Asia, foreign policy, sanctions, energy, logistics*

For citation: Khataei D. Iran's First "Pivot to ASEAN" in 1997–1999: Contexts and Results. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2025, T. 3, № 3 (68). Pp. 322–334. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-3-3-68-322-334

Введение

В конце 1990-х гг. внешняя политика Исламской Республики Иран в отношении Юго-Восточной Азии приобрела качественно новый характер. Если прежде взаимодействие ограничивалось отдельными дипломатическими инициативами, то теперь речь шла о выстраивании более целостной линии, связанной с институциональным присутствием в регионе. Этот этап в настоящей работе обозначается как «первый поворот Ирана к АСЕАН» — авторская категория, подчеркивающая именно стратегическое перераспределение приоритетов, а не единичный эпизод внешнеполитической активности.

Исследовательский вопрос статьи формулируется так: почему именно в 1997–1999 гг. иранская дипломатия предприняла этот шаг и каковы были его формы и результаты? «Поворот» имел двухфазный характер. Первая фаза — активация — последовала весной 1997 г. в ответ на кризис отношений с Европой после «вердикта по делу Миконоса», когда МИД ИРИ выдвинул курс «Взгляд на Восток», выделив АСЕАН как перспективное направление. Вторая фаза — масштабирование — пришлась на начало президентства М. Хатами и сопровождалась его концепцией «Диалога цивилизаций», расширением экономико-логистических инициатив и подачей заявки на статус Секторально-диалогового партнёра в 1999 г.

Новизна работы заключается в рассмотрении этих шагов как единого явления. В историографии они обычно упоминаются разрозненно — через энергетические проекты в Малайзии и Индонезии, транспортные инициативы или контакты с АСЕАН. Введение категории «поворот» позволяет увидеть в них согласованный курс, акцентированный не на лозунгах, а на конкретных механизмах: создание портовых и нефтехимических «узлов», запуск судоходного сервиса через Порт-Кланг, переговоры о переработке нефти в Таиланде, в Индонезии и на Филиппинах, стремление к институционализации взаимодействия с АСЕАН.

Методологически статья опирается на современную историю и анализ внешней политики (*Foreign Policy Analysis*), что позволяет выделить конец 1990-х как завершённый этап и рассмотреть внутренние механизмы принятия решений, роль МИД, администрации президента и экономических компаний.

Источниковая база включает публичные заявления иранских лидеров, мемуары А. Х. Рафсанджани и дипломатов, документы МИД ИРИ, публикации иранской и международной прессы, архивные материалы в Иране, а также документы Секретариата и интервью с дипломатами и экспертами.

Статья рассматривает «первый поворот Ирана к АСЕАН» как процесс стратегической перенастройки, состоявший из активации, масштабирования и попытки институционализации. Это позволяет уточнить место Юго-Восточной Азии в иранской внешней политике конца 1990-х и показать, как даже в условиях санкционного давления Тегеран пытался формировать новые линии регионального взаимодействия.

Государственные дискурсы Ирана об АСЕАН и Юго-Восточной Азии к концу 1990-х гг.

К 1997 г. интерес Ирана к Юго-Восточной Азии и АСЕАН уже был обозначен на государственном уровне. Регион виделся как ворота к рынкам Восточной Азии, как пространство с крупными мусульманскими сообществами (особенно в Малайзии, Индонезии и Брунее), как растущий рынок, открытый для сбыта иранской продукции, и как зона с историческим опытом контактов с Ираном.

Политика в отношении АСЕАН не входила в «первый трек¹» внешней политики и потому оставалась в ведении МИД и президентской администрации. Верховный лидер Хаменеи упоминал АСЕАН лишь однажды¹ (1989), но в целом позитивно относился к региону, подчеркивал исламский фактор и в то же время отмечал осторожность местных элит к политическому исламу и шиизму². Для Тегерана исламский фактор имел двойное значение: он оправдывал углубление связей, но был и инструментом продвижения шиитского присутствия через культурные и дипломатические каналы. В поле внимания попадал и Вьетнам — как пример антиимпериалистической борьбы и «естественный партнёр»³.

В годы президентства Рафсанджани (1989–1997) поворот к АСЕАН не состоялся. В его первой администрации приоритетом было послевоенное восстановление после ирано-иракской войны (1980–1988), требовавшее масштабных инвестиций и модернизации инфраструктуры. Дипломатические усилия концентрировались на Европе, Японии, странах Персидского залива и Южной Корее — тех партнёрах, кто мог обеспечить кредиты, технологии и прямые вложения. Юго-Восточная Азия в этот период воспринималась скорее как периферия мировой политики и арена соперничества сверхдержав, а не как целостный интеграционный блок.

К тому же сохранялось серьёзное политическое препятствие — камбоджийский вопрос. Поддержка странами АСЕАН «красных кхмеров» после вьетнамской интервенции воспринималась Тегераном как фактическое соучастие в геноциде мусульман-чамов². Уже в пятничной проповеди³ 1984 г. Рафсанджани, опираясь на данные МИД ИРИ и свидетельства беженцев, резко критиковал Индонезию и Малайзию за поддержку «Красных кхмеров» в ООН⁴. Этот сюжет закрепил скепсис к АСЕАН и показал пределы исламской солидарности в дипломатии.

¹ Внешняя политика Ирана имеет два трека: вопросы, связанные с наиболее значимыми национально-безопасностными и идеологическими проблемами (отношения с США, Саудовской Аравией, Израилем и др.), решаются на уровне Высшего совета национальной безопасности и могут быть отклонены Верховным лидером; направления же второго порядка, включая отношения с АСЕАН, остаются в ведении президента и МИД при эпизодическом участии парламента.

² Тямы = Chams = Champa

³ Пятничное хутба (khutba) — это проповедь, произносимая имамом или политическим лидером во время коллективной пятничной молитвы; в Иране 1980-х годов такие выступления часто использовались для артикуляции официальной внешнеполитической линии.

Во второй срок, на фоне окончания холодной войны и открытия постсоветского пространства, ЮВА стала восприниматься более серьёзно. Парижские соглашения 1991 г. и создание UNTAC открыли путь к возвращению Нородома Сианука и маргинализации «красных кхмеров», что сняло главный барьер. Расширение АСЕАН (Вьетнам как наблюдатель в 1993 г., вступление в 1995 г.) стало сигналом её институционального укрепления. В этот период Рафсанджани предпринял турне 1994 г. по Индонезии, Малайзии и Брунею, продвигая идею транзита через Иран в Центральную Азию⁵. Он поручал послам добиваться связи ОЭС⁴–АСЕАН⁶; в 1993 г. секретариаты двух организаций установили официальный контакт. Однако реального рывка не произошло: МИД лишь начинал готовить специалистов по региону, а потребности внутреннего развития и привлечения инвестиций оставляли ЮВА во второстепенном положении.

Перелом наступил в апреле 1997 г. после «вердикта по делу Миконоса»⁵, подтолкнувшего Тегеран к диверсификации связей и активации курса «Взгляд на Восток». Победа Хатами на выборах в мае 1997 г. усилила этот процесс. Его цель заключалась в нормализации отношений с Западом, но санкции США (*Iran and Libya Sanctions Act – ILSA*) и обвинения в поддержке терроризма исключили возможность диалога с Вашингтоном. В этих условиях АСЕАН оказалась в числе ключевых направлений восточной политики, наряду с Россией, Китаем и государствами Персидского залива.

Международную рамку задавала инициатива Хатами «Диалог цивилизаций» (Генассамблея ООН, 1998), которая сопровождалась улучшением отношений с Европой, но одновременно стимулировала поиск новых партнёров в Азии.

Первый поворот Ирана к АСЕАН, 1997–1999 гг.

Активация поворота Ирана к АСЕАН началась сразу после вердикта «Миконоса» (10 апреля 1997 г.). Уже 1 мая 1997 г., за три недели до президентских выборов, заместитель министра иностранных дел по делам АТР Алаэддин Боруджерди заявил на встрече с пятью послами стран АСЕАН в Тегеране о начале «политики Азии прежде все-

⁴ Организация экономического сотрудничества

⁵ Инцидент «Миконос» — это убийство в сентябре 1992 г. в берлинском ресторане *Mukonos* четырёх курдских оппозиционных лидеров. В апреле 1997 г. Высший уголовный суд Берлина вынес вердикт, согласно которому преступление было организовано иранскими спецслужбами, а приказ исходил от руководства Ирана — включая министра разведки Али Фаллахяна и президента Хашеми Раффсанджани. После вынесения вердикта Тегеран покинули двенадцать послов ЕС.

го»⁷. В его словах прозвучала характерная формулировка: «Взгляд на Восток будет ещё ярче в будущем, связи Ирана с азиатскими странами будут расширяться с большей энергией, а Европа окажется главным проигравшим»⁸. Накануне министр иностранных дел публично назвал ОЭС, СААРК и АСЕАН «тремя основными экономическими полюсами региона» и подчеркнул: «Мы не беспокоимся о сокращении отношений с Европой»⁹.

Таким образом, с весны 1997 г. складывается стратегия, которую можно обозначить как «поворот к АСЕАН». По сути, она стала частью более широкой концепции «Взгляд на Восток» (*Look to the East*), включавшей также Китай, Японию и в меньшей мере Южную Корею. Данные архивных материалов и воспоминаний дипломатов показывают, что смена президентов летом 1997 г. не нарушила преемственность: аппарат МИД продолжал вырабатывать курс, намеченный ещё при Рафсанджани. Новым заместителем министра по АТР стал Мохсен Аминзаде, близкий к реформаторским кругам и одновременно получивший в 2000–2001 гг. курирование постсоветского пространства. Его назначение усилило позиции «азиатского» направления, позволив ему встроить повестку АСЕАН в общую стратегию правительства Хатами.

Основные задачи поворота были многоуровневыми. Во-первых, закрепление долгосрочного сотрудничества в энергетике и инфраструктуре. Во-вторых, обеспечение морской безопасности и создание коридоров свободной торговли. В-третьих, формирование институциональной рамки, переводившей разовые сделки в системные механизмы взаимодействия. Концепция опиралась на интеграцию энергетики и инфраструктуры в единую схему: создание цепочки «узлов» — портов и перерабатывающих мощностей в Юго-Восточной Азии, через которые иранские углеводороды и товары проходили бы Малаккский пролив и Южно-Китайское море. Эти объекты задумывались как совместные предприятия — и одновременно как опорные точки долгосрочного присутствия Ирана в регионе.

Одновременно Тегеран предлагал зеркальную «сухопутную» опцию: гарантированный транзит товаров АСЕАН через Иран в Центральную Азию. В представлении иранских планировщиков это создавало взаимовыгодную архитектуру: ЮВА получала доступ к новым рынкам, Иран же закреплял своё положение как энергетического партнёра и континентального транзитного хаба. Таким образом, АСЕАН рассматривался не только как конечный рынок, но и как связующее звено с Восточной Азией.

В конкретных проектах эта стратегия выразилась в ряде инициатив. С 1997 г. обсуждалось строительство крупного НПЗ в южном Таиланде (около 200 тыс. барр./сут.) для снабжения рынков Восточной Азии¹⁰. План сопровождался встречным проектом тайского завода удобрений в Иране, однако из-за кризиса и отсутствия окончательных инвестиций не был реализован. Ещё более амбициозным выглядел план строительства НПЗ в Илигане (Филиппины) через Автономный регион Мусульманское Минданао¹¹. Он предусматривал мощность 150 тыс. барр./сут. и стоимость до 1 млрд долл. Участие Ирана через региональные каналы подчёркивало готовность работать и с децентрализованными структурами. Аналогичные планы разрабатывались в Индонезии (проект в Бантене на Яве), где иранская сторона предлагала разместить переработку ближе всего к крупнейшим рынкам страны¹².

Параллельно шли усилия по созданию логистической «оси». В 2000 г. Иранская судоходная компания IRISL открыла регулярный недельный сервис через Порт-Кланг (Малайзия), связав Бендер-Аббас и Бендер-Имам-Хомейни с Хонконгом, Инчхоном, Сингапуром¹³. Это был первый устойчивый маршрут, интегрировавший Иран в систему контейнерных перевозок ЮВА и Восточной Азии. На уровне двусторонней торговли активно развивалось сотрудничество с Малайзией: соглашения о поставках цемента, совместных производственных площадках и аграрные бартерные схемы (нефть в обмен на пальмовое масло и рис) должны были снизить зависимость от доллара и создать более устойчивую основу для обмена¹⁴.

Наиболее символичным моментом поворота стала сделка по Южному Парсу в 1997 г., когда в консорциум вошли *Total* (40 %), Газпром (30 %) и *Petronas* (30 %). Для Ирана это был «якорный» проект: малайзийская *НОС* впервые оказалась в иранской добыче, формируя мост в ЮВА. Но одновременно контракт столкнулся с давлением США: закон *ILSA* предусматривал санкции против инвесторов. Правительство Махатхира отвергло экстерриториальные претензии, настаивая на суверенном праве *Petronas* работать в Иране¹⁵. Парламент и министры открыто заявляли, что американские законы не имеют силы в Малайзии, а сам факт консорциума с французами и россиянами создаёт баланс и защищает проект¹⁶. Этот случай стал важным прецедентом: в мае 1998 г. администрация Клинтона в итоге отказалась от санкций, что показало возможность обхода ограничений через многосторонние схемы.

Помимо энергетики, Иран пытался закрепить себя через инвестиции в инфраструктуру на своей территории. Примером стал проект с

малайзийскими компаниями на острове Кешм — трубопровод для снабжения водой и сопутствующее развитие СЭЗ¹⁷. Эти шаги должны были стать зеркалом азиатских «узлов» — создавать условия для переработки и реэкспорта внутри Ирана.

Наряду с экономикой, дипломатия опиралась на личные связи и институциональные каналы. В Таиланде иранские дипломаты демонстративно искали контакты с монархией¹⁸; в Камбодже поддерживали Нородома Сианука, символически близкого тегеранскому представлению о легитимности. В Малайзии центральным элементом стала тесная личная связь с Махатхиром¹⁹, а в Индонезии — апелляции к общей исламской цивилизационной основе. Одновременно иранские посольства активно работали с министерствами и парламентами, продвигая имидж Ирана как «партнёра в развитии».

Значимым стало и использование многосторонних площадок. Иран поддержал заявку Филиппин на статус наблюдателя в ОИС²⁰, а страны АСЕАН в ряде случаев помогали Ирану в избрании в комиссии ООН. На заседаниях АСЕАН по энергетике в 2000 г. министр иностранных дел ИРИ обсуждал техническое сотрудничество, подавая его как многосторонний формат. Ключевым инструментом была Организация экономического сотрудничества (ОЭС), через которую Тегеран стремился представить инициативы как региональные «публичные блага», а не лишь иранскую повестку.

Таким образом, поворот 1997–1999 гг. представлял собой не набор разрозненных инициатив, а согласованную стратегическую программу, сочетавшую энергетические проекты, логистику, институциональные шаги и персональную дипломатию. К концу десятилетия была заложена архитектура долгосрочного присутствия Ирана в ЮВА, которая получила развитие в 2000-х гг. Многие проекты продолжили реализовываться — от морских маршрутов и бартерных схем до совместных энергетических начинаний. Часть замыслов была свёрнута лишь после 2002 г., когда обнародование иранской ядерной программы резко ограничило возможности внешнеэкономического сотрудничества. В этом смысле именно период 1997–1999 гг. стал отправной точкой: он превратил Юго-Восточную Азию из второстепенного направления в устойчивый элемент иранской внешнеполитической стратегии.

Запрос Ирана на секторальное диалоговое партнерство АСЕАН и его последствия (1999-2002)

Заявка Ирана 1999 г. на получение статуса секторального партнёра по диалогу стала кульминацией первого стратегического поворота к АСЕАН. В отличие от разовых проектов или двусторонних инициатив, секторальное партнёрство обещало встроить сотрудничество в устойчивую рамку технических комитетов, рабочих групп и процедур секретариата. Тегеран в заявке делал акцент на поставках энергоресурсов, совместных нефтехимических проектах и на своей способности служить транзитным коридором для товаров АСЕАН в Центральную Азию²¹. Таким образом, просьба органично вписывалась в более широкую «коридорную» стратегию Ирана, где восточное направление в виде углеводородов и переработки в Юго-Восточной Азии сочеталось с западным — доступом АСЕАН к рынкам через иранскую инфраструктуру. Для Тегерана это был способ закрепить инициативы на институциональном уровне и обеспечить их преемственность вне зависимости от смены лидеров или конъюнктуры.

Реакция АСЕАН оказалась осторожной. Постоянный комитет АСЕАН во главе с Сингапуром признал получение заявки, но указал на мораторий на новых партнёров до середины 2000 г., пока шёл пересмотр всей системы²². Это решение отражало не отказ, а институциональное сомнение, вызванное последствиями азиатского финансового кризиса. В 1997–1998 гг. правительства АСЕАН столкнулись с тяжёлыми сокращениями экономик, спасением банков и жёсткой бюджетной консолидацией. Секретариат испытывал серьёзную нагрузку, не располагая достаточными ресурсами²³. В таких условиях расширение внешних связей грозило перегрузкой. Мораторий был логичным шагом: приоритет отдавался консолидации, рационализации процедур и выходу из кризиса.

Для Тегерана ситуация оказалась неудобной. Иранские дипломаты полагали, что кризис откроет окно возможностей, так как уход западных и японских инвесторов создаёт нишу для Тегерана. Но эта логика имела больше политический, чем экономический смысл: Иран не имел ресурсов заменить оттянувшийся капитал. Реалистичнее заявку следует понимать как попытку зафиксировать долгосрочные рамки сотрудничества — поставки энергоресурсов, свопы, проекты НПЗ и судоходные линии, которые не требовали мгновенных вложений. Таким образом, заявление имело характер стратегической страховки, а не краткосрочной ставки.

Внутри Ирана восприятие кризиса также колебалось. В 1997 г. первые отчёты МИД минимизировали его последствия, тогда как Министерство торговли уже к концу года предупреждало о падении спроса на нефть и росте рисков невыплат. К 1998 г. МИД всё чаще связывал кризис с политической нестабильностью в ЮВА, прежде всего с падением Сухарто в Индонезии²⁴. Объяснения варьировались — от конспирологических обвинений в адрес «иностранных спекулянтов» до технократических разборов слабого банковского регулирования. Это разнородное понимание объясняет, почему Иран продвинул заявку в 1999 г., даже при отсутствии прочной экономической базы: ставка делалась на институциональное закрепление, а не на немедленный результат.

Практика АСЕАН также накладывала ограничения. Обычно секторальный статус предоставлялся странам, уже имеющим заметные проекты. К 1999 г. иранские инициативы были в основном на стадии планов — от обсуждений НПЗ в Таиланде и на Филиппинах до логистических линий IRISL и аграрных бартеров. Однако прецедент Пакистана (получившего такой статус в 1993 г. при ещё более слабой базе) создавал для Ирана надежду. В этом смысле Тегеран рассматривал партнёрство не как итог, а как инструмент для углубления связей.

После введённого моратория Иран скорректировал подход. В 2000–2004 гг. акцент сместился к наращиванию практических шагов. *IRISL* развернула регулярные контейнерные маршруты через Порт-Кланг и Сингапур. На Кешме и в Бендер-Аббасе появились совместные промышленные проекты с малайзийцами. Бартерные схемы с Малайзией и Индонезией — нефть в обмен на пальмовое масло и рис — помогали обходить долларовые расчёты. *Petronas* сохранила участие в разработках в Иране, а обмены делегациями, выставки и туризм создавали новые каналы сотрудничества. Иран действовал на перспективу, ожидая, что институциональные возможности откроются, когда АСЕАН завершит посткризисную стабилизацию.

Эти усилия разворачивались на фоне турбулентности в самих странах АСЕАН. В Индонезии после Сухарто президент Абдуррахман Вахид сосредоточился на внутренних делах, даже заявив о готовности установить контакты с Израилем. В Таиланде смена коалиций мешала стратегическому планированию, а на Филиппинах падение Эстрады лишило Тегеран дружественного канала. В этих условиях Иран полагался на «дипломатию терпения»: закрепляться малыми шагами и ждать более благоприятного момента.

Отношение элит АСЕАН к Ирану оставалось осторожно положительным. Экономические проекты воспринимались как полезные, но вызывали опасения в связи с шиитским фактором, поддержкой группировок или рисками распространения технологий. Тегеран отвечал культурной и мирной риторикой, подчёркивал свой вклад в борьбу с наркотиками и даже был исключён США из списка «наркотических изгоев» в 1998 г. Инциденты с обходом санкций, например в Сингапуре, не сорвали общий курс, хотя и закрепили за АСЕАН образ реактивного, а не проактивного партнёра.

К 2004 г. стратегия Ирана в ЮВА сформировала неполную, но прочную основу: логистические маршруты стали постоянными, энергетические проекты и бартерные схемы поддерживали экономику связей, культурная дипломатия расширяла поле взаимодействия. Однако институциональное признание так и не состоялось — из-за кризисных последствий в ЮВА и внешнего давления на сам Иран. В ответ Тегеран сосредоточился на постепенном закреплении результатов, оставив цель партнёрства в долгосрочной перспективе.

В итоге заявка 1999 г. стала символом стремления Ирана институционализировать свой поворот к АСЕАН, превратить его из набора двусторонних инициатив в элемент региональной архитектуры. Хотя АСЕАН перенесла рассмотрение, сама логика «коридорной» стратегии закрепились, а иранские усилия сохранили задел для будущего.

Заключение

Можно отметить, что первый поворот Ирана к АСЕАН в 1997–1999 гг. стал важной попыткой институционализировать присутствие страны в Юго-Восточной Азии и выйти за рамки двусторонних контактов. Он сочетал в себе элементы активизации, масштабирования и стремления к закреплению через форматы партнёрства, отражая стратегическую логику «Взгляд на Восток» и желание преодолеть санкционную изоляцию. Несмотря на то, что многие проекты остались на стадии замыслов или переговоров, а региональная нестабильность и внешнее давление существенно ограничивали возможности Тегерана, именно в этот период были заложены основы для систематического диалога с АСЕАН. Реакция стран ЮВА, совмещавшая интерес к энергетическим и транзитным предложениям Ирана с настороженностью по вопросам безопасности и международного давления, продемонстрировала двойственный характер их восприятия. Таким образом, первый поворот к АСЕАН стал не столько завершённым процессом, сколько стартовой точкой долгосрочного курса, позволившего Ирану закрепить за Юго-Восточной Азией особое место в архитектуре своей внешней политики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ХАТАИ Даниал, аспирант, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 30.09.2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Danial KHATAEI, PhD Student, HSE University, Moscow, Russia

The article was submitted 27.08.2025;
approved 15.09.2025;
accepted to publication 30.09.2025.

¹ Заявления, сделанные на встрече группы суннитских учёных = Баянат дар дидар-е джам'и аз олама-йе ахл-е Суннат // Официальный сайт Управления по сохранению и публикации трудов Великого аятоллы Сейеда Али Хаменеи. 1989.

URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=2237> – Перс.

² Заявления на встрече с группой культурных работников = Баянат дар дидар-е джам'и аз каргозаран-е фарханги // Официальный сайт Управления по сохранению и публикации трудов Великого аятоллы Сейеда Али Хаменеи. 1992.

URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=2630> – Перс.

³ Отрывки из встречи с президентом Вьетнама = Гозиде-йе аз баянат дар дидар ба раис-джомхур-е Вьетнам // Официальный сайт Управления по сохранению и публикации трудов Великого аятоллы Сейеда Али Хаменеи. 1993.

URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=57968> – Перс.

⁴ Пятничная молитва в Тегеране под предводительством аятоллы Хахеми Рафсанджани, 25 хордада 1363 г. [15 июня 1984 г.] = Намаз-е Джомех-йе Техран бе эмадат-е Аятолла Хахеми Рафсанджани // Марказ-е Аснад-е Аятолла Хахеми Рафсанджани, Дафтар-е Нашр-е Маареф-е Энकेлаб.

URL: <https://rafsanjani.ir/records/20%85> – Перс.

⁵ Интервью с аятоллой Хахеми Рафсанджани в начале его поездки в Малайзию, Индонезию и Бруней, 22 мехра 1373 г. [14 октября 1994 г.] = Мосахебе ба Аятолла Хахеми Рафсанджани дар агаз-е сафар ба кэшварха-йе Мализи, Индонези ва Бруней // Центр документов аятоллы Хахеми Рафсанджани, Офис по публикации культуры Революции. URL: <https://rafsanjani.ir/records/> – Перс.

⁶ Пакаин М. От седьмого департамента до посольского поста: мемуары Мохсена Пакаина = Мохсен Пакаин. Аз Эдаре-йе Хафтум та Сефарат: Хатерат-е Мохсен Пакаин. Тегеран: Энтешарат-е Иран, 2022. – Перс.

⁷ Iran Looks East // The New Paper. Friday. 02.05.1997.

⁸ Iran Looks East // The New Paper. Friday. 02.05.1997.

⁹ Велаяти: европейцы должны извлечь урок из судьбы американцев = Велаяти: Европайиха баяд аз Америкойи-ха дарс бегиранд // Джомхури-Эслами. Четверг. 01.05.1997.

¹⁰ Irano-Thailand Joint Ventures for Oil Refinery, Fertilizer Plant Under Consideration--- Iran Is a Pillar of Stability in Region // Tehran Times. 1998.

URL: <https://www.tehrantimes.com/news/21617/Irano-Thailand-Joint-Ventures-for-Oil-Refinery-Fertilizer-Plant>

¹¹ Philippines, Iran negotiate oil-refinery plan // Asian Wall Street Journal. Victoria, Hong Kong: Dow Jones & Company Inc., 26.06.1997. P. 7. ISSN 0377-9920.

URL: <https://www.proquest.com/newspapers/philippines-iran-negotiate-oil-refinery-plan/docview/315619068/se-2?accountid=14565>

¹² Signing Of Accord to Form Banten Bay Refinery Firm Postponed // Oananews.org. URL: <https://www.oananews.org/node/67126>

¹³ Durairaj G. Malaysia, Iran in joint-venture deal: [Main/Lifestyle, 2nd edition] // New Straits Times. Kuala Lumpur: The New Straits Times Press (M) Berhad, 28.02.2000. P. 25.

URL: <https://www.proquest.com/newspapers/malaysia-iran-join-venturedeal/docview/266497102/se-2?accountid=14565>

¹⁴ Iran, Malaysia stress expansion of barter trade // Middle East News Online. Durham: Middle East News Online, 03.03.2001. URL: <https://www.proquest.com/newspapers/iran-malaysia-stress-expansion-bartertrade/docview/203038876/se-2?accountid=14565>

¹⁵ KL unlikely to allow US to probe Petronas' Iran deals // The Straits Times-National Archives of Singapore. 1997.

URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/article/straitstimes19971110-1.2.34.5?qt=iran&q=Iran>

¹⁶ Cabinet unlikely to allow US probe // Business Times. Kuala Lumpur: The New Straits Times Press (M) Berhad, 10.11.1997. P. 1.

URL: <https://www.proquest.com/newspapers/cabinet-unlikely-allow-us-probe-hl-notemap/docview/266815127/se-2?accountid=14565>

¹⁷ Official says Iran seeking to export natural gas through Gulf Island of Kish // BBC Monitoring Middle East – Economic. London: BBC Worldwide Limited, 22.07.1999. P. 1.

URL: <https://www.proquest.com/wire-feeds/official-says-iran-seeking-export-naturalgas/docview/451067959/se-2?accountid=14565>

¹⁸ Мехманпараст Р., Халили Паланди Ф. Мемуары посла: опыт торговой дипломатии Ирана в Польше, Таиланде и Казахстане = Рамин Мехманпараст, Фереште Халили Паланди. Кетаб-е Хатерат-е Йек Сафир: Таджробе-йе Дипломаси-йе Теджари-йе Иран дар Кешварха-йе Лахестан, Таиланд ва Казагъестан. Тегеран: Чап ва Нашр-е Базаргани, 2020. – Перс.

¹⁹ Nordin M. Iranians have high regards for Dr M // New Straits Times - Google Newspapers Archives. 1991. org

URL: https://books.google.ru/books?id=Y5VUAAAIBAJ&pg=PA2&dq=Iranians+have+high+regards+for+Dr+M&article_id=6656,5500087&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwi5-pnOptSMAxUNGRAIHbT0CCcQ6AF6BAGLEAM#v=onepage&q=Iranians%20have%20high%20regards%20for%20Dr%20M&f=false

²⁰ Philippines: Iranian president supports observer status at Islamic Conference // BBC Monitoring Asia Pacific – Political. London: BBC Worldwide Limited, 08.03.2000. P. 1.

URL: <https://www.proquest.com/wire-feeds/philippines-iranian-president-supportsobserver/docview/450083926/se-2?accountid=14565>

²¹ ASEAN Secretariat. Report of the 5th meeting of the 32nd ASEAN Standing Committee. Jakarta: ASEAN Secretariat, 1999.

²² Report of the 5th meeting of the 32nd ASEAN Standing Committee. 1999. Op. cit.

²³ Ang, C. G. Southeast Asia after the Cold War: A Contemporary History. Singapore: NUS Press, 2019.

²⁴ Индонезия: цель глобальной стратегии разделения = Марказ-е Моталеат-е Азия ва Окианусе, Дафтар-е Моталеат-е Сиаси ва Бейн-олмелали, Везарат-е Омур-е Хареже. Андонези хадаф-е эстраджи-йе джахани-йе таджизе // Ройдод-ха ва Тахлил-ха. – Тегеран, Дей 1378 [январь 2000]. № 133. С. 14–21. – Перс.